

Л. М. Макушин

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Отечественная политико-правовая мысль XIX в. в отношении печатного слова и журналистики до сих пор не изучена в достаточной степени. Многие имена, концепции, работы еще предстоит открывать заново. Особенно перспективно здесь наследие эпохи Великих реформ.

В комплексе преобразований 1860-х гг. почти одновременно были подготовлены и проведены так ожидаемые либеральной общественностью судебная и цензурная реформы. 20 ноября 1864 г. Александр II утвердил новые судебные уставы, а 6 апреля 1865 г. подписал Указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати».

Судебная реформа, которую современники называли яркой заплатой на ветхом костюме самодержавия, являлась самой радикальной в российском модернизационном процессе второй половины XIX столетия. «В формальном смысле произошла реформа, — отмечает М. П. Чубинский, — в действительности же явилось нечто совершенно новое, по духу своему, началам и содержанию непримиримо противоречивое старым судебным “порядкам”... Редакторам судебных уставов приходилось более создавать и творить, чем перестраивать и исправлять»¹. Несмотря на последующие искажения и ограничения, эта реформа провозгласила и в немалой степени реализовала принципы независимости судей от администрации, гласности, устности и состязательности уголовных и гражданских процессов. Были узаконены институты присяжных заседателей и адвокатуры, мировые суды, ликвидированы сословные органы юстиции.

Для нас существенней всего подчеркнуть, что обсуждение «Основных положений преобразования судебной части в России», опубликованных в октябре 1862 г., а затем и действительные перемены в судоустройстве и судопроизводстве дали невиданный толчок развитию всей совокупности юридических наук. 448 университетских профессоров и опытных чиновников ведомства юстиции подали разного рода проекты, отзывы и записки в ответ на предложение Государственной канцелярии высказать свои соображения о будущей судебной системе². В пореформенное время во многих крупных городах России учреждаются юридические общества, ставящие задачей объединение ученых-правоведов с юристами-практиками для совместного решения научных и прикладных вопросов права. Значительно выросло количество солидных самостоятельных сочинений по самым раз-

---

МАКУШИН ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького, член Союза журналистов России (E-mail: litera-lm@mail.ru).

© Макушин Л. М., 2007

личным отраслям юридического знания и специализированных юридических журналов. Среди последних особую популярность приобрели «Судебный вестник», «Журнал гражданского и уголовного права», «Юридический вестник».

Судебные уставы рекомендовали судьям в случаях обнаружения в законах противоречий, неясностей или пробелов выстраивать свои решения на общем их смысле. Это было стимулом для научного изучения действующего законодательства. Оценивая значение реформы 1864 г. для прогресса отечественной юриспруденции, А. Н. Стоянов на страницах «Юридического вестника» констатировал: «Особенные условия, которые существуют для теории и практики правоведения в России, сделали для нас крайне важным вопросом перевес научного элемента над прикладным»³.

Следует обратить внимание на две особенности интенсивно развивающейся российской теоретической юриспруденции 60—70-х гг. XIX вв. Во-первых, во все предыдущие эпохи правоведение эволюционировало под знаком доминирования какой-либо одной научно-методологической доктрины. К примеру, в первой трети XIX в. это была естественно-правовая школа. В атмосфере реформ усиливается разнообразие методологических подходов в творчестве ученых-юристов. Наряду с приверженцами исторической школы права появилось немало сторонников социологического и юридического позитивизма. Во-вторых, в историко-правовые и теоретико-правовые исследования активно включились специалисты различных отраслей права: гражданского, уголовного, полицейского, государственного и др. Это обеспечило многообразие и широту юридического анализа социальной действительности, включая проблемы свободы и ограничений печатного слова.

Русские юристы второй половины XIX в., как «отцы», так и «дети» судебной реформы, активно обсуждали и осмысливали состояние прессы и цензуры, их правовое положение. Многие правоведы непосредственно участвовали в подготовке нового цензурного Устава, практически все они тесно сотрудничали с газетами и журналами различных направлений. Внимание деятелей юриспруденции к вопросам функционирования периодики обусловлено тем, что цензурная реформа, в отличие от судебной, не была столь последовательной и породила немало противоречий, конфликтных ситуаций.

По закону 6 апреля 1865 г. отменялось предварительное рассмотрение официальных и научных изданий. С разрешения министра внутренних дел таким правом могли воспользоваться столичные газеты и журналы при внесении залога в 2,5—5 тыс. руб. Однако по-прежнему полностью поднадзорной оставалась быстро растущая провинциальная печать, находившаяся под двойным, а то и тройным наблюдением со стороны центральных, губернских и городских властей.

Если в освобожденных от предварительной цензуры изданиях обнаруживалось нарушение законодательства о прессе, то органы Главного управления печати подавали дело в суд. Он мог приговорить авторов, а также издателей или редакторов к штрафу, аресту и тюремному заключению, лишить последних права заниматься издательской, редакторской деятельностью на срок до 5 лет. Суд мог приостановить

издание газеты, журнала или закрыть их окончательно. Но результаты судебных процессов в первые пореформенные годы не оправдали надежд правительства на возможность сделать прессу послушной и лояльной в рамках правового регулирования ее деятельности. Новые независимые суды выносили либо оправдательные, либо слишком мягкие, по мнению руководителей цензуры, приговоры.

Верховная власть в принципе предвидела такой поворот событий. Цензурные законоположения 1865 г. не только объявлялись временными, принятыми «впредь до дальнейших указаний опыта», но и предусматривали меры внесудебного преследования прессы. Газеты и журналы, гласил царский указ, «в случае замеченного в них вредного направления, подлежат и действию административных взысканий по особо установленным на то правилам»⁴. Эта формулировка открывала простор для бюрократического произвола. Во-первых, министр внутренних дел был уполномочен выносить изданиям предупреждения «за вредное направление». После третьего предупреждения печатный орган приостанавливался на срок до 6 месяцев или закрывался по представлению министра в Первый департамент Сената. Во-вторых, не надеясь на судебные инстанции, правительство принялось совершенствовать и умножать «особо установленные правила» административного воздействия на журналистику. В 1866—1875 гг. принимается ряд постановлений о праве министра внутренних дел запрещать на время розничную продажу периодики, закрывать для освещения в печати отдельные «вопросы государственной важности», об отстранении окружных судов и присяжных заседателей от судебной практики по делам прессы и т. д.

Таким образом, периодические издания оказались в конфликтном по определению пространстве смешанного, частично судебного-правового, а частично административно-произвольного регулирования. Как уже отмечалось, российские правоведы не могли не обратить на это внимание. В научных и общественных кругах, в печати активно обсуждалась вышедшая тремя изданиями (1869—1872) книга юриста В. В. Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», задававшая тон либерально-демократическому взгляду на проблемы свободы прессы. В газете «Голос» в 1869—1883 гг. со статьями на эту тему, но с более умеренных, либерально-консервативных позиций регулярно выступал историк права, профессор Петербургского университета А. Д. Градовский. Так же регулярно «Вестник Европы» публиковал обозрения по вопросам законодательства о печати адвоката и общественного деятеля К. К. Арсеньева⁵.

Оценивая произведения названных авторов, Е. П. Прохоров отмечает, что все они — ««юристы по образованию». Казалось бы, “поле” их суждений должно было бы быть преимущественно юридическим. Однако будучи активно действующими публицистами, они обсуждали *юридические вопросы с социально-политической точки зрения* на характер и роль прессы, ее сущностное, согласное с ее природой значение в общественной жизни, что и должно, с их точки зрения, определять юридическую фиксацию норм журналистской деятельности»⁶. Это важно и в историческом плане, и для нашего времени.

Многие мысли В. В. Берви-Флеровского, А. Д. Грановского, К. К. Арсеньева актуальны по сей день, и их книги плодотворно используются исследователями теории и истории печати и цензуры. Но кроме юристов-публицистов богатое наследие оставили нам и правоведа-теоретики. Они анализировали проблемы свободы прессы не столько в аспекте правоприменительной практики, сколько через постановку и решение вопросов философии и социологии права, познание реального бытия, природы и социальной обусловленности развития юридических норм в сфере периодики и журналистики.

Здесь необходимо напомнить, что цензурный Устав и дополняющие его указы, постановления, циркуляры верховной власти являлись частью полицейского права Российской империи. Они входили в XIV том Свода законов наряду с паспортным Уставом и Уставом о предупреждении и пресечении преступлений. Понятие полицейского права имеет два значения. Это одна из отраслей законодательства, совокупность правовых норм, регулирующих полицейскую деятельность по охране правового порядка посредством ограничения свободы отдельных лиц и организаций в форме принуждения. И это учение о праве внутреннего государственного управления, имеющее целью разъяснить сущность и содержание полицейской деятельности. Соответственно и предметом философско-социологического анализа проблем правового положения печати в значительной мере было именно полицейское право. Крупными авторитетами для современников в этой сфере считались И. Я. Фойницкий (1847—1913) и И. Е. Андреевский (1831—1891).

Известный криминалист Иван Яковлевич Фойницкий профессорскую деятельность в С.-Петербургском университете сочетал с государственной службой, был товарищем обер-прокурора кассационного департамента Сената, затем сенатором. Основные положения его исследований содержатся в работе «Моменты истории законодательства о печати», опубликованной вначале во втором томе «Сборника государственных знаний» (СПб., 1875), а позже вошедшей в авторский сборник «На досуге»⁷.

Исходный тезис Фойницкого заключается в утверждении, что эволюция духовного состояния человека проходит закономерный путь от субъективирования всех окружающих его явлений до объективного отношения к окружающему миру. В соответствии с этим в истории печатного слова он выделяет четыре основных периода: теократический, владельческий (вотчинный), полицейский и правовой.

Теократический этап отмечен исключительным правом церкви на распоряжение типографским станком и на толкование текстов. Владельческий период начинается тогда, когда, отделяясь от церковной власти, светская власть привыкает смотреть на себя как на вотчинника всего государства. «Мысль становится исключительным достоянием правительства, и к публичному выражению ее получают доступ только те учреждения и лица, которые им специально на то уполномочиваются» (С. 170). Периодическая печать в России появилась как раз в вотчинную эпоху, и это наложило глубокий отпечаток на характер взаимоотношений власти и прессы.

С вотчинным началом связаны специфические и надолго укоренившиеся черты российской цензуры. «Заведовавший определенной областью государственно-го управления, — отмечал Фойницкий, — имел и надзор за мыслью, относившейся к этой области... За ним признавалось исключительное право на эту мысль... Цензуру отправляют органы, которые считаются хозяевами данной сферы мысли» (С. 181). Отсюда ведомственная множественность надзорных инстанций, узкое поле гласности, нетерпимость к малейшим попыткам указаний в печати на постановку вопросов управления, внутренней и внешней политики.

Полицейский этап, зрелую форму которого ученый относил ко времени принятия цензурного устава 1828 г., по определению конфликтен. Его основное противоречие Фойницкий квалифицировал так: «Личность, освобождаясь от охвативших ее со всех сторон правительственных уз, стремится навязать государственной деятельности свое субъективное отношение к государственным интересам... Правительство же увидело в личности элемент, столь враждебный обществу, что его нужно беречься, против него нужно принимать энергические предупредительные меры... Это-то натянутое враждебное положение и правительства, выступающего против личности во имя государственных интересов, и личности, выступающей против правительства во имя интересов индивидуальных, пропитало собою всю полицейскую эпоху» (С. 138—139). На почве российского самодержавия в правительственной информационной политике вотчинные традиции и полицейские подходы переплетались и срастались.

Фойницкий дал глубокое юридическое объяснение сущности правового периода и правомерной самостоятельности печати. По его мнению, дело не сводится к одному лишь подчинению прессы суду присяжных и ее освобождению от полицейских предупредительных мер. Это не является решающим признаком правового порядка в журналистике, поскольку государство имеет право на предупреждение опасностей, и печать здесь не исключение. Не решает вопроса и предлагаемая французским издателем и публицистом Эмилем де Жирарденом теория полной безответственности прессы, так как простор публичной мысли якобы дороже отдельных злоупотреблений.

Истина лежит между крайними решениями и заключается, по Фойницкому, в том, что «слово, насколько оно может создавать и нарушать права, подчинялось и должно будет подчиняться государственным мероприятиям. Если же по существу слова конкретные права не могут быть созданы и нарушены, оно... должно стоять в стороне от принудительной деятельности государства» (С. 258—259). Например, это «идеи» государства, народного представительства, форм правления, семьи, религии, всех институтов государственной и социальной жизни.

Сравнительно-историческое исследование зарубежных и российских нормативных актов и административных мер позволило Фойницкому сделать заключение об особенностях отечественной государственной политики в пределах журналистики. Оказывается, в России «нельзя так категорично отметить моменты, когда кончается один период... и начинается другой: меры вотчинной, попечительской

и полицейской эпох, выступающие на Западе во всей их отдельности, у нас сплошь и рядом практикуются одновременно» (С. 206). Это не могло не отразиться на содержании и последствиях цензурных преобразований 1860-х гг.

Ученый акцентировал внимание на том, что правительство сохранило за собой право беспрепятственного административного вмешательства в дело прессы и «возможность управлять печатью без суда... В сравнении с прежними постановлениями отечественного законодательства, узаконения 6 апреля несомненно представляются льготными для русской печати; но окончательного поворота к идеям правового порядка в них не заметит беспристрастный исследователь» (С. 246). По аналогии с положением бывших крепостных крестьян после освобождения в 1861 г. Фойницкий называл состояние печати «временно-обязанным» (С. 159). В последней четверти XIX в. эта остроумная метафора имела широкое хождение в литературе о свободе слова.

Новыми и важными были поставленные Фойницким вопросы об объекте охраны в полицейской деятельности применительно к печати и о трансформации цензурно-административных способов охраны. Официально в цензурном уставе провозглашалось: «Цензура есть государственное учреждение, имеющее обязанностью охранять в пределах печати существующий, на основе законов, государственный строй»⁸.

Фойницкий же считал, что объектом охраны здесь является не государственный строй, а мысль, и разделял ее на исключительную и господствующую. В вотчинный период правительственная мысль объявляется исключительной и «не терпит подле себя никаких мнений и знаний, исходящих из другого источника» (С. 222). В полицейскую эпоху эта мысль является «просто господствующей», занимающей первое место наряду с другими и вынужденной защищать свою неприкосновенность. Ее «безопасность может быть достигнута лишь при неизвестности обществу противоположной мысли». Но господствующая мысль, указывал ученый, неустойчива, зависит от колебаний политического курса, особых соображений ведомств. Поэтому «цензурное законодательство должно было состоять в отсутствии законов ... Произвол и полицейский порядок в делах печати стали синонимами» (С. 223).

В связи с изменением статуса мысли преобразались и способы надзора за прессой. Причем в России старые цензурные формы не отмирали полностью, а зачастую сосуществовали рядом с новыми. Например, сокращая предварительную цензуру, «цензуру до напечатания», правительство заменяет ее «мерами равнозначительными, столь же явственно ставящими индивидуальную мысль под начальнический присмотр администрации и направленными к тому, чтобы затруднить распространение ее в обществе в ущерб мысли господствующей» (С. 224). Речь идет о мерах, уже названных выше. Фойницкий называл все это «цензурой до обнародования», которая еще хуже, чем «цензура до напечатания».

«Одновременно и параллельно существуют идеи вотчинные, полицейские и слабые зародыши идей правового порядка, что замечается, например, в современ-

ном положении русской печати, подчиненной тройному режиму начал и направлений» (С. 263). Таков итоговый вывод Фойницкого о цензурной реформе и уровне свободы прессы.

В мире российской юриспруденции заметной и значимой фигурой был теоретик и историк права Иван Ефимович Андреевский. С 1857 г. он возглавлял кафедру полицейского права, в 1883—1887 гг. занимал пост ректора С.-Петербургского университета. В 1862 г. профессор работал в составе комиссии статс-секретаря князя Д. А. Оболенского для пересмотра законодательства о печати.

И. Е. Андреевский предложил принципиально новые взгляды на полицейские право и деятельность, изложенные в неоднократно переиздававшейся двухтомной монографии «Полицейское право»⁹. Он рассматривал государство как постоянно развивающийся организм, включающий в себя два основных элемента: правительство и народ. Долг государства — обеспечить для человека условия безопасности (полиция безопасности) и благосостояния (полиция благосостояния). Ученый-юрист утверждал, что ушло в прошлое время так называемого полицейского государства, когда только правительство брало на себя зачастую невыполнимые для него задачи благодетельствования народа. В новых условиях полицейскую деятельность разделяют между собой администрация и общество, представленное отдельными лицами и их союзами, корпорациями, общинами и т. п. «Чем более развивается общество, тем шире делаются его предприятия относительно создания условий безопасности и благосостояния, и тем более может сокращаться непосредственное участие правительства» (С. 18).

Это возрастание роли общества Андреевский прямо соотносил с либеральными преобразованиями и отмечал: «Русское общество, призванное новейшими великими реформами к самостоятельной полицейской деятельности, уже успело не только поставить новые совершенно вопросы, но и направить надлежащее их разрешение» (С. IV). Здесь прежде всего имелись в виду земские собрания, суд присяжных, частная периодика, промышленные, сельскохозяйственные, торговые и т. д. общества и союзы.

Андреевский сформулировал, как он называл, «коренной закон» науки полиции: «Во всех случаях, когда отдельное лицо собственными своими силами и средствами не может создать таких условий безопасности и благосостояния, без которых развитие его невозможно, на помощь ему должна явиться деятельность других, называемая полицейскою» (С. 17). Причем автор считал закономерной лишь определенную последовательность полицейского вмешательства. Сначала содействие человеку или обществу объединению оказывают другие лица, общества и союзы. И только тогда, когда и этого недостаточно, «должна открыться деятельность и помощь со стороны правительства (полицейская деятельность в тесном смысле)» (С. 18).

О прогрессивности положений, выдвинутых петербургским профессором еще в 1860-х гг., свидетельствует трактовка полицейской деятельности в современном европейском правоведении. Так, французские авторы «Словаря административ-

ного права» определяют ее как «специфическую деятельность по управлению, заключающуюся в регламентировании частных дел с целью поддержания общественного порядка при соблюдении свобод»¹⁰. Это очень близко к выводам и формулировкам Андреевского.

Из означенного коренного закона, по мысли ученого, вытекает необходимость всестороннего ограничения полицейского вмешательства администрации. Главное для правительства — точно знать, что предпринимается частными лицами и обществами относительно безопасности и благосостояния, и по возможности не выходить за пределы *полицейского наблюдения*. В полицейском же законодательстве и на практике правительство, по Андреевскому, должно руководствоваться следующими принципами: не признавать прав одного или немногих лиц в ущерб правам всех или большинства; при оказании помощи одному не нарушать прав другого; сообразовываться с условиями общественного строя, с нравами и обычаями народа. Правовед посчитал важным специально указать: «Всего опаснее в этом отношении делать заимствования из чужих законодательств. Каждая полицейская мера там рассчитана на собственные условия общественного строя и на своеобразные обычаи, и редко может подойти в той самой форме другому государству» (С. 21).

На основе предложенных принципов можно было объективно анализировать правительственную политику в области печати. Резко отличающиеся формы цензурности разных отрядов периодики, предвзятый и конъюнктурный порядок ведомственного субсидирования отдельных изданий, произвольное толкование «вредного направления» газеты или журнала, внесудебные предупреждения и приостановки выхода печатного органа — все это свидетельствовало о незавершенности цензурной реформы. Кстати, и административные предупреждения были заимствованы из французского законодательства. Но во Франции они были в 1868 г. отменены, а в России сохранились до XX в.

Отдельную главу «Предупреждение опасностей, могущих произойти от устного слова, письма и печати» Андреевский начал с утверждения: «Пресса как нравственная сила и главный фактор человеческого развития вызывает в государстве необходимость наиболее содействующих ее расширению и развитию условий. Но будучи великим орудием общественного развития и преуспевания», органы печати «могут и нарушить право отдельного лица, общества или государства» (С. 254).

Задача наук полиции — изучение вопроса о мерах предупреждения этих опасностей. А меры эти настолько хорошо изведаны зарубежным и отечественным опытом, что «дают возможность критического рассмотрения» (С. 255).

На основе анализа западноевропейского законодательства критическому — в прямом смысле слова — рассмотрению Андреевский подверг предварительную цензуру, систему залогов, административные взыскания и способы экономического давления на периодику. Профессор не одобрял специфические французские методы официального воздействия на прессу, которым пыталась подражать российская верховная власть. «Принужденное отказаться от административных взыс-

каний, — писал он, — французское правительство пробует пользоваться системой правительственных сообщений (обязательных для публикации. — *Л. М.*) как средством административного взыскания... Они стали проводить через отдельные частные журналы свои любимейшие политические начала и воззрения. Так родились, рядом с официальными, так называемые официозные журналы, польза которых весьма сомнительна, а вред — очевиден» (С. 262).

Для предупреждения опасностей, считал Андреевский, вполне достаточно ограничиться «полицейским наблюдением в делах печати» (С. 257) и «надлежащими началами их судебного преследования» (С. 261). Наблюдение необходимо, чтобы узнать, кто автор «преступления слова», и в случае необходимости не допустить обращения в публице напечатанного произведения до вынесения судебного приговора. Судебные же решения по делам прессы должны быть компетенцией представителей общества — присяжных заседателей. В Европе уже «общественное развитие убедило последних в возможности относиться к преступлениям слова не с чрезвычайной строгостью» (С. 257). Такова была положительная программа Андреевского.

Что касается анализа российских реалий, то здесь автор последовал примеру поднадзорной отечественной прессы. Он подробно и безоценочно изложил историю вопроса от цензурных циркуляров Петра I до ограничительных постановлений по делам печати 1872 г. На фоне мнений ученого о зарубежном полицейском праве в сфере периодики было очевидно, что отечественная пресса находится в условиях преимущественно административного режима, и правовой элемент пока еще очень слабый.

Итак, Андреевский не отрицал полицейского права и полицейской деятельности в области печати, но в соответствии с идеей либерализма истолковывал их не в автократическом, а в демократическом духе. Ученый особо подчеркивал значение самостоятельной полицейской деятельности общества, его прямого участия в управлении прессой. В этой связи он большие надежды возлагал на рост системы земских, корпоративных и иных общественных изданий.

Для настоящего времени, когда в литературе вновь обозначилась тема полицейского права, особенно важны, на наш взгляд, именно философско-социологические подходы И. Я. Фойницкого и И. Е. Андреевского к проблеме свободы прессы. Предложенные ими аналитические конструкции могут быть использованы не только историками, но и исследователями сегодняшнего правового положения российской печати.

---

¹ Чубинский М. П. Судебная реформа // История России в XIX веке. Эпоха реформ. М., 2001. С. 237.

² См.: Большая Российская энциклопедия. М., 2006. Т. 4. С. 413.

³ Стоянов А. Н. Научное значение всеобщей истории законодательств // Юрид. вестн. 1879. № 10. С. 615.

⁴ Реформы 1860—1870-х гг.: Сб. документов и материалов. Екатеринбург, 2003. С. 183.

⁵ См.: *Берви-Флеровский В. В.* Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869; *Градовский А. Д.* О свободе русской печати. СПб., 1905; *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. СПб., 1903.

⁶ *Прохоров Е. П.* Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX века // Вести. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2003. № 4. С. 91.

⁷ *Фойницкий И. Я.* Моменты истории законодательства о печати // Фойницкий И. Я. На досуге: Сб. юрид. ст. и исслед. с 1870 года. СПб., 1900. Т. 2. С. 131—264 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы).

⁸ Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878. С. 1.

⁹ *Андреевский И. Е.* Полицейское право. Т. 1. Введение. Ч. 1. Полиция безопасности. СПб., 1874 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы).

¹⁰ *Van Lang A., Gondouin G., Inseguet-Brisset V.* Dictionnaire de droit administratif. P., 1997. P. 213.

Материал поступил в редакцию 07.12.2006 г.

И. И. Замощанский

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ФЕНОМЕН ПЛОТИ

Мы полагаем, что антропоцентричное мышление, утвердившееся в культуре Нового времени, непосредственно связано с приданием более высокого онтологического статуса внутреннему миру, т. е. имеет отношение к возникновению индивидуальности. Высокий онтологический статус «внутренний мир» получает в Средние века. Условием самого появления такой номинации, как «внутренний мир», стала дифференциация телесности на тело и плоть. Ведь само тело есть условие дифференциации мира на «внутренний» и «внешний».

Возникновение человеческой индивидуальности, а также осознание человеком своей независимости и самостоятельности происходило за счет усложнения и расширения пространства внутренней жизни человека. Это осуществлялось через дифференциацию телесности на тело и плоть, произошедшую в рамках средневекового мировосприятия.

Как известно, античность не знает внутреннего мира. Душа в воззрениях античных мыслителей представляет мир внешний, т. е. выступает способом связи человека с истинным умопостигаемым миром. Отсюда понимание человека как микрокосма в макрокосме, идеал калокагатии, скульптурность, чувственность, присущие античному мировосприятию. Древнегреческому человеку ничего не известно о муках совести, терзаниях плоти, необходимости ее умерщвления, о

ЗАМОЩАНСКИЙ ИВАН ИГОРЕВИЧ — старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного технического университета — УПИ.

© Замощанский И. И., 2007